

Аналогии, приведенные нами, позволяют думать, что и в первой челобитной Аввакума сплетаются две темы и что рассказ о бедах и напастях связан с какой-то личной целью Аввакума.

Однако обращение к самой челобитной Аввакума приводит нас к противоположному выводу. Между первой челобитной и посланиями и челобитными царю XVII в., содержащими биографические сведения, наблюдается важное для нас различие. Если авторы посланий и челобитных не скрывают, для чего они рассказывают о себе, не раз напоминают о причине этого, то Аввакум о цели своего необычно большого автобиографического рассказа упоминает довольно глухо.

Мы можем указать лишь на одну фразу в челобитной, в которой Аввакум, как можно предполагать, формулирует свою цель. В середине повествования о бедах и напастях Аввакум делает небольшое отступление: «Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, — пишет протопоп, — да не буду безумен, истинну бо, по Апостолу, реку. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомолцы: некому нам возвещат, како строится во твоей державе» (стлб. 726).

Итак, Аввакум считает, что, правдиво рассказывая о себе, каждый «государев богомолец», а в данном случае сам протопоп, «возвещает, како строится» в державе Алексея Михайловича. Рассказ о судьбе одного человека рассматривается как пример биографии, имеющей общественный интерес. Следовательно, в отличие от множества авторов челобитных и посланий царю Аввакум открыто не связывает автобиографический рассказ с какими-либо личными целями. Отсюда понятно, почему повествование о бедах и напастях, да и вся первая челобитная в целом, не содержит просьб личного характера.

К сожалению, повествование о бедах и напастях не дает ясных подтверждений и того, что Аввакум, рассказывая царю о себе, думал о биографии-примере, биографии общественно-типичной. Подобное отношение к своей биографии, новое для того времени, Аввакум открыто проявляет 8—9 годами позже, в знаменитом Житии. Что же касается одного из ранних дошедших произведений протопопа, первой челобитной, то цель рассказа Аввакума о себе — личная или общественная — остается неясно выраженной, в известной мере даже загадочной. Прояснению этого вопроса не способствуют и последующие редакции первой челобитной. В них опущены все высказывания и замечания, позволяющие судить о собственном отношении Аввакума к автобиографической теме в челобитной. Поэтому ответ на вопрос, для чего же Аввакум написал первую челобитную, мы пока не можем считать полностью выясненным.

Необходимо изучить литературные представления, порожденные расколом, в частности представления о толпе и личности, отразившиеся в писаниях раскольников. Ведь наряду с идеологическими и лично-жизненными мотивами, литературные, образные представления о мире были важным фактором в писательской деятельности раскольников, проявлялись у них более непосредственно и живо, чем, например, у «настоящих» писателей, вроде Симеона Полоцкого. В этом, быть может, и заключается основное значение русской старообрядческой литературы XVII в.